

Опровержение солипсизма

Алексей Торгашин

Date: 27 июля 2026 г.

Аннотация

В статье дается опровержение солипсизма с использованием леммы Линденбаума о пополнении теории формулой, которая совместима с данной теорией.

Содержание

1	Основной вопрос философии как вопрос манифестации, а не субстанции	1
2	Квазиморфизм	4
3	Идеологическая шкала и «несемантическая» значимость	6
4	Внешний мир	9
5	Итоги	12
	Литература	13

1 Основной вопрос философии как вопрос манифестации, а не субстанции

Традиционная формулировка основного вопроса философии: «Что "первично": материя или сознание?» — в условиях XX–XXI веков утратила свою эвристическую силу. Причина не в «смерти метафизики», а в том, что классические дефиниции материи (от механистического вещества до

ленинской «объективной реальности») не дают работающего критерия для различения онтологических статусов в ситуации, когда «виртуальности» становятся технически «не отличимы» от оригинала.

Выход из этого тупика лежит не в поиске «первосубстанции», а в переносе фокуса с субстанции на примеры её проявления.

Определение 1.1. *Манифестация — это способ, которым феномен выдает себя нам во всей полноте своих актуальных и потенциальных свойств, включая его реакцию на любые возможные операции с ним.*

Голограмма горящего камина, рисунок на холсте и физический огонь в камине имеют кардинально разные манифестации, даже будучи репликами одного природного значения (вещи, феномена).

Материальное, в таком случае, определяется не через «существование вне сознания» (что требует немедленных оговорок о субъективных реальностях и практической физиологии), а через способность исполнять обязанности материального во всех своих проявлениях. Материальный хлеб — это то, чем можно утолить голод, взять в руки, оставить на столе, и что, в конечном итоге, будет переработано организмом. Воображаемый хлеб этой способностью не обладает. Нематериальное, таким образом, оказывается тождественным несуществующему. Дракон на картинке существует только как краска на холсте (это материально) и как нейрофизиологический процесс в мозге читающего (это тоже материально), но он не существует как животное, способное изрыгать пламя.

«Существующие определения материи давали возможность технической неразличимости виртуального и действительного. В ленинском определении используется воспринимаемая объективная реальность. Сразу уберём слово «воспринимаемая» или «данная в ощущение»: невоспринимаемая материя - тоже материя, иначе солипсизм. Остается «объективная», то есть «существующая помимо нашего сознания» («вне нашего сознания»). «Нашего сознания»?

А если есть не наше сознание? Формулировка «от любого сознания» требует фантастической квантификации. И это не самый главный недостаток. Оно не решает задачу отделения кажимости от своей материальной основы. Например, воображаемого кентавра от нейрофизиологических процессов возникновения такого образа. Их различие нуждается в дополнительной работе после определения, обязательно нужно добавить, что образ кентавра - это «субъективная реальность», которая тоже

реальность и материально детерминирована. Она оказывается или выкинутой за борт, или включенной в «объективную реальность», вопреки титульному звучанию термина. В любом случае возникают вопросы. Если «субъективная реальность» выкинута правомерно, почему она вообще реальность, а не иллюзия? Какой-нибудь «гносеологический» статус иллюзии, как «тоже реальности», делает путаницу неисправимой, потому что заставляет в рамках определения заниматься онтологией кажимости. Если же «субъективная реальность» включена в «объективную реальность», это означает коллапс определения, фабула и цель которого основана исключительно на их разграничении.

У нас материально то, что практически «исполняет обязанности материального» на своем участке. Например, голограмма горящего камина, в отличие от огня, - не исполняет. Если это такая голограмма, которая «умеет» греть, её можно выключить или рассмотреть вблизи. Для каждой искусной подделки найдутся свои опилки из-под плюшевого живота, потому что это соревнование гомункула со Вселенной. Реальность обладает неограниченными связями, которые могут изменяться как угодно и ей не нужно «за ними успевать» «с обновлением таблиц», потому что «они» - это она и есть!»¹

Этот подход делает ненужными панические ограничения, налагаемые на предметные области во избежание абсурда, - такие как попытка объявить высказывания о «кентавре» бессмысленными при очевидной неправомерности таких решений.

Наше определение материи имеет несколько важных следствий.

Во-первых, оно блокирует постмодернистские спекуляции о «виртуальных реальностях» как о новых онтологиях. Пока для виртуального хлеба не создан «эмулятор», способный вести себя как хлеб на столе, в желудке и на поле, он остается лишь сложной иллюзией. Заявления о «новой реальности» комичны, ибо требуют решения задачи алгоритмической воспроизводимости системы в непредсказуемой среде без опоры на остенсию, что, в свою очередь, упирается в проблему вечного двигателя. Виртуальная реальность невозможна даже в математическом представлении, иначе это «эмпирическая теория всего».

Во-вторых, это определение снимает проблему «воспринимаемой объективной реальности» (ленинская формулировка). Невоспринимаемая материя — тоже материя, иначе мы впадаем в солипсизм. Как разделить

¹Лысенко, Торгашин, 2025, СС.288-289

онтологию кажимости от онтологии ее материальной основы? Мозговой процесс «кентавра» и сам воображаемый кентавр — это разные манифестации. Кентавр не существует; процессы в мозге существуют. Наше определение проводит эту границу немедленно и без дополнительных «гносеологических настроек».

В-третьих, оно устойчиво, ему не страшны пограничные случаи и парадоксы типа «лысого короля Франции», и полностью соответствует критерию Куайна, чего не скажешь об «объективной реальности». У нас объективность возникает потом и не создает порочного круга.

Определение 1.2. *«Идеальным мы будем называть свойства вещи, стихии или феномена, если эти свойства не зависят от отношений, в которые эта вещь, стихия или феномен вступают в своих манифестациях. Например, описание хлеба не зависит от того, есть ли он в хлебнице, воды - от источника водоснабжения, борща - от наличия его в меню».*²

Определение 1.3. *Материальное - это то, что в любых проявлениях за самое себя выдаёт.*

Важное замечание: манифестации используются во множественном числе не потому, что одна и та же вещь может иметь разные манифестации, такая возможность уничтожила бы определение: речь идет о разных описаниях и опытах с вещью, которые не противоречат тому, что от неё можно ожидать.

2 Квазиморфизм

Критика кантовской «вещи самой по себе» и доказательство объективной значимости свойств мира — ключевой пункт для построения материалистической онтологии. Кант неправ: свойства объективного мира заложены в его природе, иначе разное вызывало бы у нас одну и ту же реакцию. Мы воспринимаем мир регулярно, с точностью до перцептивных коллизий.

Эмпирическим подтверждением этого служит понятие квазиморфизма. В отличие от математического изоморфизма (которым теоретики сознания, например, Чалмерс, злоупотребляют вне алгебраического кон-

²Лысенко, Торгашин, 2025, С.289

текста), квазиморфизм есть биективное отображение подмножества элементов одной интеллектуальной системы на подмножество элементов другой, где вероятность случайного возникновения этого отображения равна нулю или близка к нулю. В данном случае это буквальное, а не метафорическое *отношение* (не отображение!) между двумя описаниями, взятыми как множества, где под интеллектуальной системой понимается сознательная деятельность человека или её эмуляция. Определение - не метафора, потому что результат работы такой системы относится к её «элементам».

Существование квазиморфизма — не философская гипотеза, а эмпирический факт. Двое людей, прочитавших «Войну и мир» или собравших изделие из нумерованных деталей по инструкции, демонстрируют высокую степень соответствия знаний и действий. Если бы мир был «только в редакции наших чувств», такая калибровка была бы невозможна. То, что мы воспринимаем как размер или твердость, находится в самих вещах. Следовательно, между множеством свойств мира A и множеством восприятий $im(A)$ существует квазиморфизм. Более того, в части соответствия A и $im(A)$ мы имеем вырожденный случай квазиморфизма, где списки слов для обозначения элементов совпадают: слово «яблоко» обозначает и материальный предмет, и его восприятие.

«Почему же тогда такая простая и всем понятная интуиция не блокировала заявления о том, что язык не имеет никакого отношения к реальности и в плохом смысле живет своей жизнью. Потому что сравнению подлежал «весь язык целиком» со всем универсумом. Мы изменили подход и сравниваем релевантный фрагмент языковой практики с частью универсума, к которой он относится, и при таком сравнении их соотносимость друг с другом оказывается более, чем не случайной. И называем это отношение не изоморфизмом, а квазиморфизмом. Лучше всего объяснить на таком примере. Положим, каким-то криминалистам приходится устанавливать связь двух семей, которые проживают в разных квартирах, возможно, в разных городах. При обыске ничего общего нет, но в обеих квартирах находят по одной фотографии с одной и той же группой людей и объяснить случайностью это невозможно. В этих квартирах может быть все разное — и дизайн, и качество отделки, и вещи, свидетельствующие о привычках обитателей, но фотографии замечают все эти совпадения. Точно также, с одной стороны, коммуникация содержит модальности, фантазии, умствования, белиберду, с другой, реальность преимущественно невыразима. Ни о каком изоморфизме, как

математическом отображении, речи быть не может. Но часть языковой практики функционально соответствует части реальности. Именно это постмодернисты не то, что игнорировали, а вряд ли понимали». ³

Однако именно здесь мы подходим к главному парадоксу.

3 Идеологическая шкала и «несемантическая» значимость

Мы установили, что $im(A)$ квазиморфно A . Но это приводит к парадоксу. A — это физический мир вне сознания. $im(A)$ — это восприятие, имеющее семантическую природу (значения, смыслы), в том числе изложенное в виде текста. Как объективная, «несемантическая» природа A может быть *квазиморфна* семантической $im(A)$? Или, выражаясь прямо: обладает ли мир вне сознания какими-либо свойствами?

Если нет — то любое объективное свойство (твёрдость гранита, текучесть воды) получает по шкале объективности ноль, что ведет к солипсизму.

Если да — то эти свойства, чтобы быть *этими свойствами*, должны иметь какую-то значимость. Даже если они названы «несемантическими», мы их различаем и умеем о них говорить. Акт различения уже есть акт наделения смыслом.

Вводится специальная функция, называемая идеологической шкалой, определенная на всех без исключения феноменах, о которых вообще можно говорить, и имеющая всего два значения: 0 (предмет не имеет ни значения, ни смысла) и 1 (предмет имеет значение и смысл). В математике такие функции называют индикаторными (теория множеств, статистика). Если брать в качестве феномена Вселенную, значение 0 означает солипсизм: кроме актуального восприятия нет ничего. И это абсолютно честный прием, не являющийся философским трюком, просто инструмент визуализации статуса свойств объективного мира по отношению к нам.

Что мы видим? Классический материализм вынужден присвоить всем свойствам мира (гравитации, электромагнетизму, твердости) значение 1. Он не может сказать, что мир ничто, иначе отдаст его на откуп любой идеалистической концепции. Но, присваивая значение 1, материализм

³Лысенко, 2025

делает мир семантически значимым вне сознания, но точно таким же, как в сознании. Третьего не дано, потому что стол, который мы сейчас не видим, обладает всеми свойствами стола, на которые мысль имеет право ссылаться.

«Парадокс» старого вопроса «Какой звук у падающего в лесу дерева, если его никто не слышит?» на идеологической шкале решается однозначно: это конкретная система свойств, которая отличается только тем, что слышать некому. Следовательно, мир вне сознания гарантированно обладает семантической значимостью *в редакции сознания*. Мы получили это достаточно легко, потому что материализм изначально сидит на двух стульях: ему нужно объявить мир «ригидным и неменяемым», но в то же время способным обеспечивать собственную богатую и «общественную» идеологию.

Если мы говорим, что процессы падения дерева «ничего не значат», тогда почему соглашаемся, что они соответствуют процессам звука? Это уже значимость. Попытка объявить свойства «никакими» провальна, она тотчас влечёт солипсизм и замыкает мир «в субъекте».

Здесь и далее $\text{Con}(\Gamma)$ означает непротиворечивость теории Γ .

Лемма 3.1 (Линденбаума о присоединении). *Для любой непротиворечивой теории Γ и любого суждения φ :*

$$\Gamma \not\vdash \neg\varphi \Rightarrow \text{Con}(\Gamma \cup \{\varphi\}).$$

Иными словами: если φ не опровергается теорией, оно может быть к ней добавлено без потери непротиворечивости.

Лемма Линденбаума - интуитивно понятна, возьмем ее без формального доказательства. Читатели могут познакомиться с нею в книге Мендельсона «Введение в математическую логику» ⁴.

Интуитивное обоснование следующее:

Представим теорию Γ как ящик с утверждениями (инструментами), которые не противоречат друг другу. Если мы хотим добавить в этот ящик ещё одно утверждение φ , единственное, что может испортить картину, — это если φ конфликтует с тем, что уже есть. Конфликт означает, что из Γ следует отрицание φ . Если же этого нет, то φ просто не была

⁴Мендельсон, 1976, С.74

туда положена и может быть положена в любой момент. Ящик остаётся непротиворечивым, потому что ни одно из старых утверждений не говорит, что φ ложно.

Это не гарантирует, что φ будет полезным, уместным или интересным. Но гарантирует, что от него не перестанет быть собой что бы то ни было в ящике, как и он сам.

Обратим внимание: из того, что φ помещается, не следует, что его нужно туда класть. Ящик может быть аккуратнее и легче без него.

Определение 3.1. *Назовем операциональным восприятием феномена его воспринимаемые свойства во всех его манифестациях, в том числе при любых операциях с ним.*

Теорема 3.1. *Объективные свойства феномена A соответствуют их операциональному восприятию.*

Доказательство.

1. Если объективные свойства A не определены, доопределяем их любым способом по лемме Линдембаума.

Если определенные этой операцией свойства противоречат их операциональному восприятию возникает противоречие.

Чтобы избежать противоречия, свойства должны соответствовать описанию A .

2. Если объективные свойства A определены и не соответствуют операциональному восприятию, возникает противоречие.

□

Эта теорема всего лишь «отсекает» от вещи, что к ней не относится и что ей, возможно, хотят приписать, но делает это строго. Нетривиальность положения выяснится в следующем параграфе. Операциональное восприятие расширяет понятие просто перцепции на те свойства, которые возникают, когда вещь всячески «крутят-вертят».

4 Внешний мир

То, что будет доказано в этом параграфе не поддается сложному доказательству. Необходимо в одном кадре выявить о чем речь и сделать очевидным, что оно несовместимо с иными представлениями.

Внешний мир бесполезно доказывать ссылками на объективную природу, на организм, не способный обойтись без пищи, которая должна существовать «помимо него». Доказательства «советского» типа предвосхищают основание. В конце концов, восприятие может быть подобием фильма неизвестно чем и как организованного. Однако такое сомнение достаточно богато для его фальсификации.

Определение 4.1. *Внешний мир - это свойства контрфактические актуальному переживанию.*

Мы никак по-другому его не определим. С другой стороны, это достаточное определение, потому что «объективные свойства» не обязательно разворачиваются в альтернативное переживание «Я в мире не одинок», но могут существовать как анонимное нечто, значимое по идеологической шкале. Ёе можно использовать для определения, но не для доказательства, чтобы не организовать порочный круг.

Теорема 4.1. *Нечто, которое определено, как внешний мир, существует.*

Доказательство. Возможны две стратегии отрицания существования внешнего мира от «отсутствия смысла» и от несуществования. Рассмотрим их по методике «от противного».

Предположение распадается на два случая:

1. Внешний мир не существует

Внешний мир по *каким-то причинам* не существует по-настоящему и об этом заявляют или даже молча предполагают в виде тезиса. Это «ненаивный» солипсизм с апелляцией к «не такому простому пониманию».

В ответ достаточно назвать происходящее вокруг внешним миром, как это делал Джордж Эдвард Мур ⁵. Если быть точным, он показывал собственную руку. А если этой демонстрации недостаточно,

⁵Мур, 1993

то существует скрытое понимание, что демонстрируемое обладает такими свойствами, которые препятствуют тому, чтобы назвать его внешним миром, *какой он должен быть на самом деле*, и теорема доказана досрочно. Доказательство достигается потому, что это основание обязательно скрыто, иначе возражающий укажет на демонстрируемое, и «внешний мир», какой он есть, совпадет с «внешним миром», какой он должен быть. Это коммутативная диаграмма которая каждый раз ведет к существованию внешнего мира.

Внешний мир не может быть «заблуждением» (иллюзией, воображаемым), иначе неминуемо придется показать «какой он в реальности», и это действие без шансов приводит к проигрышу солисиста, потому что по злой иронии оно вынуждено апеллировать к объективному статусу и объективной природе иллюзии в качестве аксиомы, чем бы эта иллюзия ни была.

2. Внешний мир не имеет смысла

Внешний мир никак не проявляется и о нем «вообще можно не думать».

- (а) Например, можно объявить мир не «внешним» и не «внутренним», а *лишь воспринимаемым*. Это шаблонная интеллектуальная рефлексия в дизайне «по ту сторону», которую применяют ко всему по делу и без дела. Здесь «по ту сторону внутреннего и внешнего».

Объявить легко, только тезисы о внешнем мире тогда ничему не противоречат и ими можно пополнить теорию о нем в теоретико-модельном смысле, то есть, если мы называем нечто «внешним миром» - оно им и окажется.

По условию «по ту сторону» в таком универсуме ничто не содержит противоречащее «внешности мира» (иначе возникнут объективные свойства, противоречащие определению), и описание универсума непротиворечиво хотя бы потому, что его используют как опровержение нашего тезиса. Значит, мы можем применить лемму 3.1 из окружения леммы Линденбаума и ввести формулу «Есть нечто, что называется внешним миром».

Это не умозрительное, а физическое пополнение, в значении истинной эмпирической теории, иначе статус «по ту сторону» окажется отменён (нетезисность окажется симуляцией), и мы попадём в уже рассмотренный предыдущий случай обычного несуществования.

Если пополнение невозможно, также возникает уже рассмотренная ситуация «не такого» внешнего мира, который тогда имеет свойства, препятствующие пополнению, и теорема доказана.

- (b) Есть еще одна лазейка: а что, если мир только «внутренний», вне всякого согласия и несогласия, он просто не соответствует описанию «внешнего мира». Тогда для обеспечения его такого объективного статуса понадобится нечто, кроме «ленты восприятия», и оно, по условию (в посылке), объективно, иначе мы опять попадаем в ситуацию предыдущего пункта неполной пополнимой теории, которая позволяет назвать мир «внешним».
- (c) А что если несуществование внешнего мира доказывается пока неизвестным полностью имманентным положением о внутреннем мире? И в этом случае тоже положение требует его объективного статуса, то есть существования внешнего мира. Этот и предыдущий пункт аналогичен теореме Тарского о неопределимости истины.

Это еще не всё, доказанный внешний мир может быть «тёмной точкой», «Бобком» Достоевского, любым бесконечно элементарным значением. Нетрудно понять, что оно в таком виде разрешает противоречие всех рассмотренных пунктов, но идеологически бесполезно. Однако в таком виде оно противоречит данным идеологической шкалы, а, точнее, теоремы 3.1. Сигнатура бесконечно элементарного, да и вообще недостаточно сложного, значения не вмещает свойства реальности, поэтому внешний мир так же богат, как воспринимаемая реальность. Всё, теперь теорема доказана полностью. $\square$

Случай (i) с леммой Линденбаума нуждается в комментарии. Это самая интересная часть доказательства. Любители аргументации от «по

ту сторону» никогда не понимали, что настоящее «по ту сторону» позволяет буквально утверждать тезисы любой стороны. Если лицо интеллектуала плавает в реальности, «как в океане Солярис», *и ничто в этой реальности больше не определено*, пусть это будет бард в очках, но по техническим причинам без гитары, и у него нет ни рук, ни ног, по условию теоремы, он может обзавестись и тем, и другим, произнеся «У меня есть ноги и руки. У меня есть гитара». А если заявят, что он не может, это окажется отменой «по ту сторону» и утверждением некоторой объективной онтологии об устройстве, «как на самом деле».

Отличие внешнего мира от кентавра в том, что кентавр может не существовать, а внешний мир не существовать обязан и для этого обязан «немного существовать». Любая идеология «адвоката солипсиста» вынуждена иметь в виду скрытую сущность, которая попадает в ловушку недостатка сигнатуры: тезис о том, что мир не существует указывает на нечто якобы существующее *по-настоящему* и эта *добровольная* и настойчивая дескрипция делает доказанным то, что пытается опровергнуть. Солипсисту для сохранения лица необходимо дать определение «внешнего мира», и он его дает, и обязательно нужно, чтобы этот мир оказался настоящим, иначе с его стороны - «халтура», согласие и молчание. Также вынуждено поступать наше сомнение, «внутренний солипсист».

В части приемов мы использовали принцип Дирихле с двумя кроликами и одной клеткой. Еще это можно назвать плоской модальностью. В таком мире всего одна модальность и фантазии о том, что «внешний мир не существует», затолкать некуда.

Возможность «доказательства внешнего мира» оценивали, как невозможное действие по извлечению себя за волосы из болота в рассказе барона Мюнхгаузена. Это домыслы, мы всего лишь доказали, что вообще не были в болоте. Благодаря идеологической шкале, это не просто доказательство существования любого, лишь бы он был, мира, а развернутого во всех свойствах и того же самого. как мы имеем в виду.

Скандал в философии объявляется завершенным.

5 Итоги

Несуществование внешнего мира создает элементарное противоречие и это вполне обыденный научный результат, а не элемент «любви к мудрости». Ирония в том, что понимание, почему внешний мир обязательно

существует, дает наследие Беркли.

Мы получили противоречие из простого описания мира, который только «внутренний» в обеих его интерпретациях. Безусловно, найдутся критики, которые скажут, что это не доказательство, потому что доказательство должно в некотором смысле быть похожим на фейерверк, независимо от его логической убедительности. Однако и сама постановка проблемы не была фейерверком и мы выбили бумажный клин бумажным клином.

Список литературы

- [1] Лысенко Е.М. Трансцендентальность языка: между феноменологией и аналитикой (по материалам книги Лысенко Е.М., Торгашина А.Ю. «Язык и реальность. Часть 1») // Цивилизационный выбор России и русской церкви. К 80-летию Великой Победы: сборник материалов XXV Свято-Троицких международных чтений в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2025. — С. 123–127.
- [2] Лысенко, Е. М., Торгашин, А. Ю. Язык и реальность. — СПб. : Реноме, 2025. — 396 с.
- [3] Мендельсон Э. Введение в математическую логику. — М. : Наука, 1976. — 320 с.
- [4] Мур, Дж. Э. Доказательство внешнего мира / Дж. Э. Мур // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова; пер. с англ. И. В. Борисовой и др. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — С. 66–84.